

Евгения
Санакоева

НИТИ ДОЧЕРЕЙ НОЧИ

**LIKE
BOOK**

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С18

Художественное оформление Р. Фахрутдинова

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

© Croisy / Yana Alisovna / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© AlyonaZhitnaya / Shutterstock.com / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODO

Иллюстрация на переплете *Markass*

Иллюстрации к главам Е. Лукомской

Санакоева, Евгения.

С18 Нити дочерей ночи / Евгения Санакоева. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Young Adult. Хиты молодежного фэнтези).

ISBN 978-5-04-203581-4

Насколько знают ныне живущие, мир един, лишь потому что им правят два божества — Великий Белый и Великий Черный — жизнь и смерть. Их воля передается через Орден Дочерей Ночи — девушек, ткущих под луной белые пледы благословения и черные — предвестники скорой смерти.

В Риате погибает королева, а ее сын отправляется учиться в далекие страны. Девушка, которой наречено стать Ткачихой, похищена сумасшедшей.

Через годы, на заре новой истории, их пути сплетутся воедино, меняя местами свет и тьму, попутно разрушая до основания все, во что они верили.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Санакоева Е., 2024

ISBN 978-5-04-203581-4

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Моим родителям и сестре, с благодарностью,
что любите и принимаете меня разную.*

*Моему сыну Матвею — мальчику,
который изменил всё.*

Глава 1

6066 год эры Двух Великих

—**М**ама! Папа! Скорее!
Белокурая, совсем еще юная девушка почти визжала, прыгая от счастья и размахивая белым пледом, который принесла Теона. Поток чистой, ничем не разбавленной радости, которую излучала счастливица, буквально сносил Ткачиху с ног.

В дни даров Великого Белого реакция людей была одинаковой: вопли ликования, танцы, объятия, счастливые глаза. В эти моменты Теону все любили. На короткий миг она становилась полноправным членом чужой семьи и невольно начинала примерять на себя непривычный образ девушки, у которой есть родные. Но эта иллюзия тут же разбивалась о воспоминания о днях, когда она приносила в дома черные плоды. Тогда реакция была совсем другая: гнев, исступление, отказ верить в необратимое, поиск путей к отступлению, плохо скрываемая ненависть и презрение к той, что стала вестницей скорой смерти...

Сияющая обладательница белого пледа выбежала через заднюю дверь, нетерпеливо выкрикивая на ходу:

— Я же говорила, что выйду замуж в этом году! И уеду из этой лачуги! Я же говорила-а... мама, папа, скорее сюда-а!

Вместе с ее затихающим голосом в очередной раз рушились воздушные замки Теоны: это не ее семья, не ее дом и не ее счастье, она здесь лишняя. Теона уже было переступила порог скромного жилища, когда де-вушка вдруг вернулась, едва ли не силком волоча за собой опешивших родителей.

— Я вас всех отсюда заберу, не беспокойтесь... Ой, Ткачихочка, ты куда? Оставайся с нами праздновать! Мы такой пир закатим! Правда, мам?

— Конечно, конечно, госпожа Ткачиха, оставайтесь! — засуетилась полноватая женщина в грязном переднике с копной кудрявых, кое-как собранных в пучок волос. — Вы такую радостную весть принесли нашей Лили, да и нам тоже! Оставайтесь, мы вас накормим и напоим.

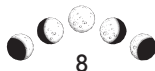
— Точно! Папа, доставай вино, которое позавчера выиграл в карты!

— Ну так одна ж бутылочка всего, может, уж до свадьбы сбережем? — робко спросил худощавый высокий мужчина со впалыми щеками.

— Скоро у нас будет сколько хочешь таких бутылок. Я знала, что Питер сдержит свое слово! Неси давай! Дочь замуж выходит, а ему вина жалко!

— Так это же еще вилами на воде про замуж... там же может быть и что-то другое...

Счастливица Лили метнула на отца свирепый взгляд, будто он собирался расстроить ее еще не назначенную свадьбу с Питером, у которого теперь, по-

НИТИ ДОЧЕРЕЙ НОЧИ

хоже, не было иного выбора, кроме как купить кольцо и опуститься перед девушкой на колени. Отец, поняв, что спорить с дочерью бесполезно, тяжело вздохнул и отправился за трофеем.

После бессонной ночи Теона была очень голодна и с удовольствием бы осталась на обед, но впереди забрезжил долгожданный отдых, и ее тянуло домой.

— Простите, но я правда спешу, у меня сегодня выходной.

— А потом опять черные саваны начнешь разносить? — резко и неприязненно спросила мать Лили, отбросив показную любезность.

Мираж растаял окончательно. Теона ничего не ответила. Она скомканно попрощалась и практически выбежала за дверь.

Едва оказавшись на улице, Ткачиха принялась мечтать, как совсем скоро отправится в соседний городок на праздник по случаю начала лета, будет объедаться сахарными синичками и смеяться над Боном, который обязательно придумает какое-нибудь новое приключение. Теона улыбнулась самой себе, вспоминая, как в прошлый раз он упросил жонглеров научить его подкидывать булавы и как одна из них ловко прилетела ему прямо по лбу. Но тут кто-то грубо тряхнул ее за плечо, испугав и заставив вернуться в реальность.

— Тка... девушка... да подожди минутку! Как тебя, говоришь, зовут? — За спиной Теоны стоял отец Лили.

— Что-то случилось? — встревожилась Ткачиха.

— Я тут... — он сунул руку за пазуху и вынул золотую цепочку, — выиграл в карты, возьми.

— За работу Ткачих платит город, мне ничего не нужно. Я лишь передала вашей дочери послание от Великого Белого.

— Да в том и дело... возьми... и послание от Его Брата к нам не приноси. Ты же понимаешь, о чем я?

Последнюю фразу он сказал так тихо, что Теона даже понадеялась, что ослышалась.

— Ну... бери!

— Воля богов не предмет для торга. Спрячьте свою... взятку.

Гнев захлестнул Теону от кончиков каштановых волос до мысков неудобных рабочих туфель, прилегающих к платью. С ней не первый раз пытались торговаться. Вытканные руками Ткачих дары богов не признавали сословий и доставались бедным, равно как и богатым. Последние часто сулили любые блага, лишь бы Ткачиха забрала свой дар — мерзкий сверток угольного цвета — и побыстрее исчезла. Но сейчас поступок отца Лили казался Теоне просто верхом неблагодарности — она только что принесла его дочери белый плед благословения, а он!

— Ну, чего ты... бери... бери, говорю, а если мало, то у меня еще брошка есть. — Мужчина воровато оглянулся, как будто кто-то мог подслушать их разговор, и сунул драгоценность в руку Теоне. Девушка разжала ладонь. Цепочка блестящей рыбкой нырнула в лужу и скрылась под слоем мутной воды.

— Ах ты! — рассвирепел даритель и даже замахнулся на Ткачиху, но быстро опомнился. Отведя взгляд и присев на корточки, он принялся загребать грязь из лужи, пропуская ее между пальцев.

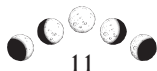
НИТИ ДОЧЕРЕЙ НОЧИ

Теона с жалостью и долей презрения пару секунд смотрела на эту картину, а потом круто развернулась и пошла прочь.

За три года жизни в Иризе — столице Риата — Теона выучила этот путь настолько хорошо, что могла бы пройти по нему с завязанными глазами. Вниз от городских ворот по брусчатой мостовой, шириной в две большие повозки, потом — по убегающей в хвойный лес тропинке, которая вела через тихий, полный смирения Бор Мертвых, через два зеленеющих холма. И вскоре из-за третьего покажется стеклянная крыша ее дома — с рамами, в уголках которых рос мох, и металлическим флюгером — катушкой ниток — эмблемой Ордена Дочерей Ночи.

Дом достался Теоне от Греты — такой же Ткачихи, много лет прослужившей в Иризе. Новое жилище долго не принимало юную хозяйку, как и она его. Стеклянная стена в два этажа будто пыталась выставить напоказ все ее секреты, растения, которых в нем было несметное количество, сохли, как бы часто она их ни поливала, а ткацкий станок то скрипел, то дергал нити. Но со временем девушка влюбилась в мягкий солнечный свет, заливающий комнаты золотом, в зелень свисающих с потолка живых гирлянд, ради ухода за которыми приходилось ставить два стула друг на друга. Она даже нашла подход к своенравному старому станку и постепенно начала воспринимать необычный полупрозрачный дом как личное убежище. Наглухо запирая большую синюю дверь, она

получала возможность хотя бы на какое-то время не быть Дочерью Ночи, Избранной или Ткачихой. Здесь она была собой, такой, которую почти никому не показывала.

И хотя дом стоял одиноко и довольно далеко от охраняемых городских стен, Теона знала, что в нем она в полной безопасности. Никому бы в голову не пришло обидеть Ткачиху. Закон, принятый в незапамятные времена, гласил: тот, кто посягнет на жизнь или имущество члена Ордена Дочерей Ночи, заплатит жизнью. Та же участь ждала всю его семью. Хотели они того или нет, но горожанам приходилось считаться с тем, что вестница воли Двух Великих живет рядом с ними, — иного выбора у них просто не было.

Теона уже представляла, как переоденется в любимый голубой костюм, оставив висеть на вешалке в шкафу свое рабочее облачение: тяжелое темно-синее бархатное платье с вышивкой по подолу в виде реки, символизирующей время, и двух светил по обеим ее сторонам — солнца и луны, вечных свидетелей начала и конца всего сущего. Но внезапно она услышала, как скрипят качели, висящие на крыльце. Они успели заржаветь от весенней сырости — Бон поторопился и достал их еще в марте. Сам он ни за что бы не сел на них, других гостей у нее не бывало, а значит, на качелях качался кто-то чужой.

Девушка обошла дом с черного хода и принялась осторожно выглядывать из-за угла, чтобы остаться незамеченной. Но едва она поняла, кто заглянул в ее жилище, как рванула вперед со скоростью кометы.

НИТИ ДОЧЕРЕЙ НОЧИ

— Вероника! — на бегу закричала Теона.

— Девочка! — Наставница прыгнула с качелей и сгребла девушку в крепкие объятия.

— Что ты тут делаешь? Я не ждала тебя раньше осени! О, Вероника, я так соскучилась!

Теона растаяла в объятиях Видящей. Вероника, хоть и была старше всего лет на пятнадцать, но практически заменила ей мать. Когда будущую Ткачиху еще малышкой привезли в Замок Теней, где обучались Изыбранные и жили загадочные и пугающие Сестры Ночи, именно Вероника взяла на себя заботу о девочке, а вместе с тем и обязанности по ее обучению и воспитанию. Про себя Теона звала Веронику Хрустальной Леди за ее всегда идеально прямые белые волосы и глаза цвета льда замерзших озер.

— Пришлось отобрать у развозчика партию ниток для тебя, чтобы приехать пораньше.

— Как же я рада тебя видеть! — Теона все еще не могла поверить в неожиданно свалившееся счастье. — Заходи в дом. Ты голодна? Я приготовлю твой любимый пирог! На сколько ты сможешь остаться?

— На пару дней, если ты не против.

— Конечно! Как здорово! — захлопала в ладоши девушка.

Теона приоткрыла входную дверь, и из глубины дома послышался оглушительный птичий щебет.

— Ты завела питомца? — удивилась Вероника, переступая порог следом за воспитанницей.

— Это Этйн — вороненок, мне его Бон подарил. Он родился совсем белым, и другие вороны на королевской воронятне его не приняли. Ой, — спохвати-

лась Теона, — надо же предупредить Бона! Мы сегодня собирались в Келс на ярмарку.

Вероника на миг сделалась совершенно серьезной, а потом закатила глаза и фыркнула: сколько бы хорошего ни сделал Бон и как бы примерно себя ни вел, для нее он прежде всего оставался королевским избалованным сынком.

Теона сделала вид, будто ничего не заметила, чтобы снова не затевать долгие споры на эту тему. Она быстро написала пару строчек и вложила записку в маленький серебряный тубус, украшенный эмблемой двора, а затем прикрепила его к лапке ворона. Этин, услышав имя Бона, оттолкнулся от руки хозяйки и вылетел в открытое окно.

— Ты же знаешь, что я желаю тебе только добра, девочка? — Как бы Теоне ни хотелось избежать разговоров о принце, Вероника никогда не упускала возможности обсудить эту щекотливую тему.

— Знаю, как знаю и то, что ты хочешь сказать. И тебе известен мой ответ: мы просто дружим, тебе не о чем беспокоиться.

— Но когда он найдет ту, с кем будет не «просто дружить», или за него это сделает отец, — беспокоиться начнешь ты. А что, если однажды он устанет дружить и захочет большего... любой ценой... — Фразы повторялись раз за разом одни и те же, но сегодня девушка не хотела портить радостную встречу.

— Прекрати, пожалуйста, — почти одернула наставницу Теона, хотя прежде никогда себе такого не позволяла.

НИТИ ДОЧЕРЕЙ НОЧИ

— Я живу дольше тебя и к тому же далеко не так наивна. Девочка, я знаю, как могут быть жестоки те, кто за минуту до этого клялся тебе в любви, — не собиралась сдаваться Вероника.

— А давай лучше ты посмотришь, что у меня со станком? — Теона решила сменить тему. — Может, подскажешь, как его починить. Он заедает в одном и том же месте — прямо в начале имени. На днях чуть не перепутала, кому плед нести: Бриксу или Вриксу. Представляешь, какой бы был конфуз? — Девушка натянуто улыбнулась, надеясь, что наставнице понравится ее шутка.

Вероника в ответ глубоко вздохнула и снисходительно кивнула, показывая, что она разгадала уловку Теоны, но, так и быть, соглашается отложить неприятный разговор.

Станок находился в отдельной комнате в окружении десятка напольных подсвечников, залитых потекшим воском, и стеллажей с пузатыми мотками нитей. Особая магия этого места заключалась в том, что над станочной не было второго этажа, а роль крыши выполняло огромное окно, которое днем занавешивалось шторами, натянутыми под потолком на специальных тросах. И хотя дом достался Теоне в довольно ветхом состоянии, потому что Грета в последние годы не могла заботиться о нем так, как раньше, все хитрые механизмы, которые она изобрела в юности, работали как часы.

По традиции для новой Ткачихи привозят свой станок, но Теона упросила оставить тот, что уже «жил» в доме. В глубине души девушка надеялась, что вме-